

гически устойчивые законы относительно хозяина и работника, писатель упускалъ изъ виду, что самъ же онъ на этомъ пути пришель къ признанію того, что человѣку цѣли міра и даже его собственной жизни—чужды и непонятны и не могутъ быть по природѣ его близки и понятны. Такимъ образомъ жизнь все равно ограничивалась въ своемъ содержаніи тѣмъ, что входило въ кругъ человѣческаго. Не смущаясь этимъ заколдованнымъ кругомъ, Толстой все-таки шелъ впередъ въ направлениіи христіанскихъ нормъ, ибо проповѣль закона любви и высшаго самоотреченія во имя цѣлей неземныхъ, безсознательно освѣщала для него эту новую жизнь свѣтомъ высшихъ и безпредѣльныхъ долженствованій. Но проповѣдовавъ онъ покорность высшей волѣ и терпѣливую работу виноградаря въ виноградникѣ хозяина. Работа эта какъ-будто чужда работнику, навязана ему, но здѣсь—абсолютная власть и подчиненіе.

Чѣмъ убѣждаетъ писатель работника подчиняться и трудиться въ виноградникѣ хозяина? Не во имя собственного горѣнія душевнаго и личныхъ желаній духа, осуществляя волю Бога, а потому что только въ случаѣ исполненія этой воли будетъ тебѣ, человѣку, хорошо. Здѣсь что-то въ родѣ утилита-